

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ОРИГИНАЛА ПРИ ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Поэтический перевод в отличие от других его разновидностей допускает личностное «вмешательство» в оригинал и в известных пределах его вольную интерпретацию, связанную со способностью переводчика понять и почувствовать особенности авторского восприятия, воссоздать художественный мир подлинника. При этом мотивная структура оригинала может претерпевать существенную трансформацию, которая впрочем, не должна выходить за рамки привычных представлений и восприятия читателя.

Для наглядности обратимся к поэтическому переложению на русский язык Е. Курдаковым стихотворения Абая Кунанбаева «Осень», который по праву относится к шедеврам казахской лирики.

Отметим для начала, что в переводческой практике поэзии Абая сложились две тенденции. Первая связана с попытками как можно ближе передать все нюансы и оттенки его образов, воспроизвести в деталях их национальный колорит преимущественно через этнографические и бытовые реалии. Это стремление к абсолютной точности значений оригинала зачастую приводит к разрушению стихотворной формы, которое неизбежно влечет за собой искажение смысла поэтического произведения.

Другая тенденция заключается в стремлении выразить общечеловеческое у Абая, передать не столько букву, сколько дух его поэзии, вступить с ним в творческий диалог. Именно таким подходом, на наш взгляд, отличаются переводы восточно-казахстанского поэта Е. Курдакова, в которых «стихи Абая предстают в бережном и талантливом исполнении, позволяющем насладиться загадочной, мудрой, очень непростой восточной поэзией в полной мере и на достаточном уровне»¹.

К Абаю Е. Курдаков обратился, как и к собственно поэтическому творчеству в целом, уже в зрелом возрасте – к сорока годам. Желание перевести Абая не было продиктовано социальным заказом по случаю юбилейных торжеств, праздным любопытством или

¹ Вечерний Оренбург. – №45 (от 08 ноября 2006 г.).

просто данью уважения. Скорее всего, оно было порождено творческими поисками, неподдельным интересом и увлечением его личностью, жадной познания и открытия для себя казахского гения.

Как известно, для переводчика глубина постижения произведения зависит не только от степени филологической и общекультурной эрудиции, но и от накопления душевного опыта, которое невозможно без постижения действительности. Художественный перевод не мыслим без затрат душевных сил, интуиции, воображения, собственного миропонимания. Переводчик, как и оригинальный автор, нуждается в поисках жизненных ситуаций, схожих с теми, которые ему предстоит воссоздать на своем языке, а также в поисках соответствия оригиналу в своем опыте чувств. В этом смысле известно, что работая над переводами, Е. Курдаков не раз наведывался на родину акына по своей инициативе и проводил по несколько дней в его ауле, чтобы вжиться в стихию степных просторов, где рождалась поэзия Абая.

По убеждению Е. Курдакова, поэтический перевод – это глубинное, взаимное сотворчество, суггестивная волна, которая две судьбы сливает в единую [Поминов, 2003: 64].

Образно эти мысли были выражены им в замечательной «Балладе перевода», где лирический герой воплощает и образ Абая, размышляющего о своей жизни, и образ современного поэта, близкого ему по духу:

*Я трогаю струну, но то не лира.
И снежный ветер глушит песнь мою.
В пустынном, азиатском сердце мира
Воистину пустыне вопию*
[Кунанбаев, 2008: 7].

«Осень» Абая переведена на многие языки. Только на русском имеется около десятка вариантов, с различной степенью точности и мастерства раскрывающих поэтику оригинала. Стихотворение пронизано элегическими нотками, грустью и тоской, вызванными увяданьем природы и наступающими холодами. Унылый степной пейзаж дополняется зарисовками аульного быта и гармонирует с осенним настроением поэта.

В небольшом по объёму произведении (6 строф, 24 строки) лаконично и точно воспроизведены этнографические реалии, позволяющие зримо представить осень в казахском ауле, проникнуться настроением и переживаниями лирического героя. В

центре стихотворения описание привычных для аула хозяйственных занятий, связанных с подготовкой к зиме.

Академик З. Ахметов замечает: «Поэт находит очень точные образы, передающие приметы осени в ауле. Вымачивание шкур и кожи в специальном растворе «малма», заготовка зимних припасов, привозимых издалека, неписанное правило не разводить огня в юрте до поры до времени, чтобы уберечь войлок от раннего закопчения, сучение женщинами пряжи из верблюжьей шерсти для утепления юрты – все это неотъемлемая часть жизни кочевников-скотоводов». [Абай. Энциклопедия, 1995: 528-529].

Под пером Абая эти картины складываются в единое целое, оживают и предстают перед читателем в поэтическом ореоле, придавая его стихам реалистическую направленность и особенный национальный колорит

Чтобы дать наиболее полное представление об особенностях перевода Е. Курдаковым Абая, воспользуемся подстрочником оригинала с необходимыми ремарками:

1. Серые холодные тучи заволокли [залатали] небо
Пришла осень, влажный туман покрыл землю.
Не знаю, то ли от сытости, то ли от холода,
Кони играют [бьют копытами, встают на дыбы], кобылицы
жеребые [держатся поодаль от табуна], стригунки пускаются
наперегонки.
2. Нет зелёной травы, цветов как прежде,
Молодёжь не веселится, не резвятся дети,
Кусты и деревья, потеряв листья,
[стоят] Как нищие старик со старухой.
3. Некто в рваньё [в тряпье] вымачивает кожу в «малме» [соляном
растворе].
Молодки [невестки] латают юрты,
Всучив прялки [пряжу с верблюжьей шерстью] свекровкам.
4. Стройными рядами [караваном] гуси и журавли возвращаются
[на юг],
Под ними потянулись подводы [везут товары на ярмарку]
– это тоже караван.
В какой бы аул ни прибыл – везде уныло и тоскливо,
Нет привычных [летних] развлечений и праздничных увеселений.

5. Осенние кочевки в «упадке» [пришли в уныние],
Старики и старухи кряхтят,
Дети ёжатся от холода [зябнут, коченеют].

6. Неуютно, когда гуляешь [бродишь] по степи
В студеную осень [пробирающий до костей холод].
Собак нет [не удержать] дома,
Они рыщут всюду в поисках [полевых] мышей
[поскольку] им не достаётся ни обглоданных костей, ни [даже]
пустого бульона.

7. Пыль, поднятая ветром, превращается в туман [стоит столбом,
долго не рассеивается]
Бесприютно в доме, где нет [не разводят] огня.
Будь проклят [пусть сгинет] обычай [неписанное правило] казахов,
опасающихся копоты.

Данный подстрочник нуждается в некоторых комментариях. Известные стихотворные переводы на русский язык далеко не всегда точно передают, а порой искажают национально-специфическую образную стихию оригинала, а вместе с тем и поэтический смысл произведения.

Так, в первой строфе появляется привычный для казахов образ «бие кашкан» (букв. «кобылицы убежали» – в значении «жеребые кобылицы»), который трудно воспроизвести на другом языке. Осень – пора, когда огуленные весной кобылицы ощущают биевание в себе новой жизни. «Материнский» инстинкт вынуждает их держаться в сторонке от табуна, чтобы какой-нибудь резвящийся конь ненароком их не лягнул. Именно такой смысл придается Абаем образу кобылиц.

В третьей строфе казахское «малма»² в значении «специальный соляной раствор для обработки кожи» в переводах иногда русифицируется и превращается в «кадушку»: «*Кожу бычьью, овечью в кадушках дубят*» [Абай, 1986: 21], – что дает превратное представление о бытовом колорите стихотворения – в степи не знали кадушек. В сущности, образ «малма» нельзя адекватно передать на русском языке, поэтому во многих переводах он опускается.

В четвертой строфе всплывает образ ярмарочного каравана – «ак шомшы». На русский язык его обычно переводят просто как

² Малма – закваска для выделки кожи [Махмудов, Мусабаев, 1997: 224].

«караваны верблюдов», «верблюды с зерновыми вьюками». И тогда у читателя срабатывает стереотипная ассоциация с красочными караванами, навьюченными шелками, дорогами товарами, диковинками и проч. из мира арабских сказок. На самом же деле «ак шомшы» – это вереницы подвод, груженные шкурой, мясом, молочными продуктами и т.п.; это гурты скота, которые по осени гнали из аулов в город или в другой крупный населенный пункт на ярмарку. В качестве же гужевого транспорта использовались, скорее, лошади и быки, а не верблюды. «Ак шомшы» – это, пожалуй, лишь метафора каравана. В стихотворении Абая он противопоставлен «керуену» («настоящему» каравану), правда, это караван журавлей:

Караваны журавлей и гусей возвращаются назад,
Под ними растянулся «ак шомшы» – это тоже караван.
В шестой строфе создается мотив запретного огня, который
обычно воспроизводят следующим образом:

Осень, сыро. Но так уж заведено, -
Плох обычай! – нельзя разжигать очага.
В наших юртах теперь неуютно, темно
[Абай, 1986: 21]

В стихотворении Абая речь идет не столько об обычае, сколько о неписанном правиле разводить огонь в юрте как можно позже из практических соображений, чтобы в долгую зиму уберечь войлок юрты от преждевременной копоты и продлить «срок его службы».

Исходя из структурно-семантической концепции мотива и отталкиваясь от оригинала, мы выделили в стихотворении «Осень» 14 вербальных фрагментов и проинтерпретировали их как основные мотивы, образующие структуру произведения. Это:

- 1) мотив ненастья;
- 2) мотив игры животных;
- 3) мотив увядания природы;
- 4) мотив прекращения летних забав;
- 5) мотив осенних забот и хлопот;
- 6) мотив перелетных птиц;
- 7) мотив «ярмарочного каравана»;
- 8) мотив уныния;
- 9) мотив холода;
- 10) мотив осенних прогулок;
- 11) мотив голода;

- 12) мотив «унылой поры» осенних стойбищ;
- 13) мотив пыли и ветра;
- 14) мотив запретного огня.

Часть мотивов здесь относится к традиционным и устойчивым осенним мотивам мировой поэзии (мотив непогоды; мотив увядания природы; мотив прощального отлёта птиц; мотив уныния; мотив холода.); другая часть имеет этнокультурную окраску (мотив игры животных; мотив прекращения летних забав; мотив осенних забот и хлопот; мотив «ярмарочного каравана»; мотив голода; мотив пыли и ветра.); третья – выраженную национально-специфическую оригинальную образность (мотив «унылой поры» осенних стойбищ; мотив запретного огня.)

Как же эти мотивы реализуются в переводе Е. Курдакова?

Осень

Ползёт ненастье. Зябко и уныло,
Сырая висит мгла с утра
Играют кони в поле, ржут кобылы
И годовалых взнуздывать пора

В работе и заботах день недолог:
Выделяют шкуры, кожи мнут,
Плетут ремни, латают дряхлый
полог,
Просушивают скарб и шерсть
прядут.

Ни радостного возгласа, ни крика,
Ни яркого пятна среди жухлых
трав.
По-нищенски печально и безлико
Деревья мерзнут, листья растеряв.

И только отлетающие стаи,
Спешащие к теплу иной страны,
Аулам остающимся бросают
Гортанный клик прощанья до
весны

Вздыхают старики и зябнут дети.
И, коротая долгие часы,
Я по холмам брожу, где веет
ветер.
Где бегают некормленные псы.

Откуда виден весь наш быт
убогий
В осенней мгле темнеющего дня,
Потёртый войлок
юрт, тоска дороги,
И степи - без единого огня.
[Кунанбаев Абай, 2008: 12]

В одном из интервью поэт так выразил свое переводческое кредо: «Я попытался дать русский художественный адекват поэзии Абая. И судья здесь русский читатель. Именно он сможет полюбить Абая за равное художественное воплощение. Я поставил себе предельную задачу – дать адекватное художественное прочтение стихов Абая» [Поминов, 2003: 64].

Подчеркнем, речь идет не об адекватном переводе, а об адекватном прочтении. Отсюда, на первый взгляд, может показаться, что в «Осени» он многое добавляет от себя, часто привносит личное, отступая от подлинника. Но эти вольности отнюдь не искажают смысла оригинала, а вступают с ним в гармоничное сочетание и при внимательном прочтении оказываются весьма уместными, становятся необходимым эмоционально-образным фоном, домысливанием отдельных лирических ситуаций, без которого полноценное восприятие стихов Абая на русском языке существенно обедняется.

Е. Курдаков не стремится к обязательной, казалось бы, передаче национальных образов мира, заикливания на колоритных этнографических картинах, нарочитой стилизации под Восток или казахскую образность.

Характерно признание самого поэта: «Переводить Абая трудно. И не только потому, что он уже и для современников был «загадкой», как отмечал сам поэт, и не потому, что он как новатор, перенасыщал лексику, широко применял непривычные размеры и метры. Трудности усугубляются еще и тем, что казахский язык с его агглютинативной структурой компактнее русского и без некоторых купюр в переводах попросту не обойтись» [Кунанбаев Абай, 2008:3].

Так, поэтическое воспроизведение на русском языке всех обозначенных выше нюансов и оттенков ярмарочного каравана потребовало бы развертывания этого образа в самостоятельную картину и выходило бы далеко за рамки художественного содержания и формы оригинала. Видимо, поэтому Е. Курдаков опускает этот образ в пользу более лирического и развернутого образа улетающих птиц (курсивом обозначены дополнительные мотивемы от переводчика):

И только отлетающие стаи,
Спешащие к теплу иной страны,
Аулам остающимся бросают
Гортанный клик прощанья до

весны

[Кунанбаев Абай, 2008: 12]

Поэтическое чутье также помогает Е. Курдакову избежать в переводе многозначности образа копоты в мотиве запретного огня и сосредоточиться на отсутствующей, но подразумеваемой, в оригинале детали – *потертого войлока* («*потертый войлок юрт*»).

Заметна тенденция переводчика к поэтизации социально-бытового фона, что достигается использованием пластичных образных средств при воссоздании этнокультурных реалий (*выделявают шкуры,*

кожи мнут, латают дряхлый полог, шерсть прядут), сокращением «пространных» этнографизмов (*мотив «ярмарочного» каравана*), привнесением дополнительных мотивов, отсутствующих у Абая, но гармонирующих с общей этнографической картиной по образной пластичности (*просушивают скарб, плетут ремни*).

В отличие от других переводчиков, видевших в «Осени» социально-бытовую зарисовку, Е. Курдаков сосредотачивается на его лирико-философской стороне. И это подсказано самой темой стихотворения. Осень –благоприятная пора для философских настроений, побуждающих к размышлениям и раздумьям о жизни.

На осмысление переводчиком философского содержания стихотворения Абая «работают» и появление в тексте несвойственных оригиналу (но, опять-таки, и художественно и контекстуально вполне оправданных) мотивов, усиливающих лирическую интонацию (*отлетающие к теплу иной страны стаи, гортанный клик прощанья, веяние ветер*), снижение мотивов холода и голода (они лишь обозначены и «сворачиваются» до минимума – *старики вздыхают, дети эябнут, псы некормленные*), как несущественных в общей философской картине поэтического мира произведения, а также введение образа лирического героя в художественную ткань («*И, коротая долгие часы, я по холмам брожу – у Абая: когда гуляешь в степи*»).

Таким образом, перевод Е. Курдакова обнаруживает большое количество отступлений и своевольного вмешательства в чужой текст. Тем удивительнее, что читатель не ощущает отчужденности «автор – переводчик», напротив, на его глазах происходит поразительное слияние двух «Я» – автора и переводчика, где сложно определить «кто есть кто». Более того, соблюдая меру, он осмеливается ввести отсутствующие образы («гортанный клик» журавлей, «тоску дороги» и пр.) и воочию явить лирического героя-автора («*И, коротая долгие часы, Я по холмам брожу*»), который у Абая лишь в подтексте. Однако это не лишает стихотворение национальной принадлежности, оно не становится от этого менее абаевским. Такие волности известны в практике перевода, и являются скорее достоинством, чем досадным отклонением от оригинала. Они свидетельствуют о том, насколько глубоко переводчик сумел проникнуться духом оригинала, и как бы развивают и разъясняют авторскую мысль.

Иными словами, интерпретация «Осени» переводчиком основана на принципиальной многозначности художественного образа и является творческим освоением художественного произведения, связанным с его избирательным личностным прочтением.

Библиографический список

1. Абай. Лирика / Абай Кунанбаев. – Алма-Ата: Жазушы, 1980. – 86 с.
2. Абай. Энциклопедия. – Алматы: Атамұра, 1995. – 720 с.
3. Кунанбаев Абай. Прожитое не сном ли оказалось. Стихи / Пер. с каз. Е. Курдакова / Абай Кунанбаев. – Усть-Каменогорск: Медиа – Альянс, 2008. – 56 с.
4. Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь / Х. Махмудов, Г. Мусабаев. – Алма-Ата: Гылым, 1997. – 480 с.
5. Поминов, П. Евгений Курдаков. Возвращение / П. Поминов // Простор. – № 2. – 2003. – С. 63-64.